

ДИСКУРСИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНЦЕПТОВ НЕФТЬ И ДОБРО/ЗЛО В ТВОРЧЕСТВЕ ЖУРНАЛИСТА ТОМСКОГО СЕВЕРА

Лингвокультура сибирского нефтяного севера ярко представлена в творчестве журналиста Аси Шулбаевой. Рассматривается дискурсивное взаимодействие концептов *нефть* и *добро/зло* в текстах журналиста о городе Стрежевом Томской области. Поскольку Стрежевой является моногородом, в котором фундаментальным, градообразующим началом является нефтяной промысел, сквозь призму «нефтецентризма» реализуется медиапрезентация города и его жителей, экономики Томского региона. *Нефть* не является этическим концептом и прямо не оценивается стрележечанами в нравственных категориях, но косвенно представляет добро и социальное благо, поскольку все, что касается нефти, изображается как позитивные явления современной экономической и социокультурной жизни Томского Севера.

Ключевые слова: дискурс журналиста, взаимодействие концептов.

В системе мировосприятия значительное место занимают этические концепты. Как утверждает Е. А. Мокрушина, «лежащие в их основе нравственные категории, будучи универсальными по своей природе, детерминируются культурно-исторически в рамках определенной языковой культуры, накладывающей также отпечаток на способы оформления концептов в языке» [1, с. 6]. Лингвокультура томского нефтяного севера ярко представлена в творчестве журналиста А. Шулбаевой.

Анализ текстового материала показал, что концепты *нефть* и *город Стрежевой* являются ключевыми концептами дискурса А. Шулбаевой [2, с. 186–189]. Это означает, что другие значимые универсальные концепты, такие как *человек*, *труд*, *добро/зло*, рассматриваются сквозь призму доминирующего концепта-интерпретатора.

Концептуальная оппозиция *добро/зло*, безусловно, является базовым элементом концептосферы русского языка. Концепты добра и зла, являющиеся понятиями морального сознания, служат для характеристики нравственного аспекта человеческой деятельности, взаимоотношений людей и содержат представления о положительных и отрицательных нравственных ценностях. Семантическим ядром выступают «полярно соотносимые общие смыслы „все положительное, нравственное“ – „все плохое, безнравственное“, которые конкретизируются в виде вариантов: „польза“ – „вред“, „хорошее дело, поступок“ – „плохое дело, поступок“ и др.» [3].

Анализируя медийные тексты, следует учитывать, что в них, вероятнее всего, концепт *добро/зло* может не иметь прямого вербального воплощения, поскольку для публицистического стиля свойственно отражение социально значимых, актуальных тем, событий, героев и идеалов. Кроме того, логично полагать, что представление ключевых для идиодискурса журналиста А. Шулбаевой концептов *нефть* и *город Стрежевой* осуществляется посредством изображения жизни города и трудового

процесса через судьбы и биографии его жителей. Соответственно, этот медиаконцепт может реализовываться с помощью репрезентантов, относящихся к ассоциативно-смысловому полю других концептов, представленных в дискурсивной картине мира данного издания или автора и восходящих к категориальному концепту, означая «социальное благо» / «социальное неблагополучие».

Сам по себе концепт *нефть* не является этическим и не оценивается в нравственных категориях *добро/зло*. Показательны результаты лингвистического эксперимента, проведенного среди стрележечан О. В. Орловой: «Нефть олицетворяет для стрележечан богатство, престиж, популярность, прогрессивность. Она приносит материальное благосостояние, уважение в обществе, двигает само общество вперед. Стихия эта однозначно характеризуется как нужная, важная и полезная, однако неоднозначно, без оговорок назвать ее хорошей и тем более доброй информанты все же не могут. А оценивать ее с позиции *ненавистный – любимый* они фактически отказываются. Однако довольно четко информанты обозначают зависимость от этой стихии» [4, с. 73–74].

Попробуем проанализировать имеющийся материал с точки зрения взаимодействия концептуальных пар *нефть – добро* и *нефть – зло*, вычленив их когнитивные признаки.

Поскольку город Стрежевой является моногородом, в котором фундаментальным, градообразующим началом выступает нефтяной промысел, логично предположить, что одним из наиболее значимых концептов, формирующихся в стрележечанской медиасфере, является концепт *нефть*. Концепт *нефть* пронизывает все сферы жизни Стрежевого и является смысловым центром, вокруг которого концентрируются остальные темы стрележечанского дискурса. Это обусловлено не только первостепенной ролью нефтепромысла в Стрежевом, но и объемом и глубиной содержания самой «нефтя-

ной составляющей жизни» города. Добыча и обработка нефти образуют крупнейшую компанию всего региона – Сибирскую сервисную компанию (ССК) и ее отделения. Эта компания так или иначе подчиняет себе все прочие организации, производства и компании, деятельность которых не связана напрямую с нефтью, но обеспечивает жизнедеятельность ССК и города.

Не случайно количество композитов (сложных слов) с основой, включающей *-нефт-*, поражает: на 97 184 слов имеющегося у нас фонда из 53 статей стрелевского журналиста А. Шулбаевой лексема с этим элементом встречаются 386 раз, сама лексема *нефть* 93 раза, *нефтяной* – 51, *нефтяник* – 26. Сумма всех интересующих единиц равна 556, что составляет примерно 0,57 % от общего количества слов в текстах.

Если обратиться к материалам Национального корпуса русского языка (URL: <http://ruscorpora.ru>) и созданного на его основе Нового частотного словаря русской лексики [5], то можно увидеть, что лексем *нефть* и *нефтяной* нет ни в частотном словаре художественной литературы, ни в частотном словаре живой устной речи (в список включены 5 000 самых частотных слов этих подкорпусов), что означает их низкую частотность в текстах данных стилей. Напротив, вполне репрезентативное представительство данных лексем наблюдается в текстах публицистических. Так, *ipm* (instances per million words) – число употреблений на миллион слов корпуса – лексемы *нефть* в публицистике составляет 101,9; лексемы *нефтяной* – 62,1, следовательно, их совокупный *ipm* – 164,0. Для сравнения: совокупный *ipm* лексем *богатый* и *богатство* составляет 155,8; совокупный *ipm* лексем *православный* и *православие* – 125,4.

Таким образом, удельный вес искомым единиц в Новом частотном словаре русской лексики составляет 0,0164 %, а в текстах А. Шулбаевой – 0,57 %, что примерно в 35 раз чаще!

Одним из основных условий закрепления за концептом статуса ключевого в идиоконцептосфере автора является показатель частотности слов-репрезентантов концепта в его текстах. Следовательно, высокая частотность употребления лексем с *-нефт-* свидетельствует о значимости данной единицы для дискурса автора, ее ключевой роли в анализе базовых концептов картины мира журналиста А. Шулбаевой.

Как показывает анализ, «нефтяной мир» не просто является полновесным и самодостаточным, он раздвигает границы месторождений и города Стрелевского, превращаясь в целую Вселенную: *К своей звезде в ходе второго молодежного турнира акционерного общества «Томскнефть» стремилась каждая из команд-участников (Достань свою*

звезду). Огромные просторы первозданных сибирских земель известны во всем мире. Но в описании журналиста А. Шулбаевой особенно отдаленные стрелевские нефтяные промыслы разрастаются до глобальных размеров: месторождения изображаются как необъятные пространства, для описания которых используются названия сторон света: восток, запад, север и юг: *От крайней южной до крайней северной точки, находящейся в зоне ответственности восьмого цеха добычи, – 90 километров. Вотчина ЦДНГ-8 – самое большое среди месторождений «Томскнефти» Первомайское месторождение. Поэтому по утрам мастера и операторы добычи отправляются на один из трех участков, именуемых севером, центром и югом Первомайки, и до вечера уже не встречаются (От юга до севера)*.

Интересную интерпретацию получает представление о юге в ментально-языковом сознании стрелевских буровиков. Как свидетельствует Русский ассоциативный словарь [6], в качестве основных реакций на лексему *юг* служат такие ассоциаты, как *север, тепло, море, страны, жара* и пр. В статьях А. Шулбаевой традиционное значение слова трансформируется. Для нефтяников *юг* – это прежде всего месторождения, расположенные к югу от Стрелевского, южная часть конкретных месторождений, в частности Крапивинского, как в статье *На юге не отдыхают*. Статья уже в названии отталкивается от популярного значения данной лексической единицы, навязывая совершенно иную семантику, не осознаваемую читателем других городов и регионов, лишь при помощи контекста подключающихся к этому нефтяному дискурсу: *– Поехал на юг... Еду с юга.*

Услышав такой ответ на вопрос «Ты где?», начинаешь чуть-чуть завидовать. Потому что невольно представляешь море, пальмы, пляж.

Но на Крапивинском эти слова означают совсем иное. Здешний юг – место не для отпуска, а для тяжелой, напряженной работы.

И далее разворачивается самое актуальное для нефтяников значение, включающее положительную коннотацию, поскольку все единицы, описывающие сложный процесс добычи нефти, труд нефтяников и труд в целом, как правило, имеют модус позитивного значения: *С юга пошла нефть.*

Поскольку развитие города всецело зависит от объемов добываемой нефти, развития нефтедобывающей отрасли, тяжелая, напряженная работа на юге оценивается не как каторжный труд, но как залог успеха, достижения желанной цели, а ее начало – как радостное событие для огромного коллектива нефтяников: *Почти двадцать пять лет понадобилось, чтобы приступить к разработке южной залежи Крапивинского месторождения, открытой нефтеразведчиками в 1984 году. Ее слож-*

ное геологическое строение требовало новых подходов в бурении и больших денег. Такая интерпретация «южной темы» легко вписывается в оценочную зону концепта *нефть*, в нефтяной дискурс Стрежевого и вполне понятна для горожан без пояснений. Таким образом, на первый взгляд, информационное сообщение без выраженной положительной или отрицательной коннотации (*С юга пошла нефть*) обнаруживает ее имплицитно.

Противопоставление *свой/чужой* «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [7, с. 126]. Имея разную интерпретацию, концепты *свой* и *чужой* обладают общими способами вербализации с концептами *добро* и *зло*. Эта пара концептов подчеркивает относительность понятий добра и зла.

А. Шулбаевой свойственно изображение окружающего буровую мира как неизвестного, чужого и враждебного людям, где *шаг вправо, шаг влево карается... падением в болотную жижу (От юга до севера)*, т. е. гибелью. Буровая показана как маленькая точка – единственный оплот человечества: *маленький островок среди тайги и болот (Глубин земных первопроходцы)*. В этом контексте месторождение, на котором живут и работают буровики, изображается как средоточие жизни среди неживого и опасного, несущего смерть пространства непроходимых болот. В болотах есть так называемые «окна» – коварные глубокие озера, в которых бывают несчастные случаи, когда тонет техника, гибнут люди (*От юга до севера, Подо льдом*). Следовательно, то, во что человек вкладывает большой труд и собственную душу, то, что осваивает, делает своим, непроизвольно одухотворяя, становится чем-то более важным, чем способ заработка, – близким и родным.

Интересно, что именно эта преграда (болота) разделяют Стрежевой и областной центр. Жители Томского Севера и местные политики часто видят причину многих проблем между Стрежевым и властями Томской области как раз в удаленности этого города нефтяников от Томска. Стрежевой и Томск, словно два сказочных царства, разделены между собой некоей немислимой стеной, преодоление которой *под силу лишь сказочному богатырю (И вместе им не сойтись?)*. Несмотря на то, что стрежевчане и жители окрестностей понимают невыгодность своего географического положения и логичность мнения о том, что это именно они находятся далеко, однако считают, что поистине не место красит человека: «*Если бы ваше село было поближе к Томску, цены бы ему не было!*» – сказал *назінцам кто-то из приезжих гостей. Они с этим согласны. А любят же свой поселок таким, как он есть (Деревня моя...)*. Описывая стандартную си-

туацию, когда по любому официальному поводу к жителям Томской области чиновники обращаются «томичи», А. Шулбаева проводит опрос, в котором спрашивает: *...при каких условиях стрежевчане будут считать себя томичами?* И получает ответы, дающие однозначную оценку горожан: *Почему-то кажется, что этого не будет никогда. Стрежевой есть Стрежевой, а Томск – это Томск. Наверное, отдаленность влияет. ...Мы настолько далеки от Томска, что к себе это обращение не относим. Думаю, что правильнее было бы обращаться: «Дорогие жители Томской области!» Или есть еще хорошее слово: «Земляки!» (И вместе им не сойтись?)*.

Нужно отметить, что оппозиция *живое/неживое* также характерна для дискурса А. Шулбаевой. Эта оппозиция актуализирует глубинные смыслы, заложенные в сознании сибиряков, окруженных огромными неосвоенными территориями и таким образом отделенных от остального цивилизованного мира, мысли о суверенности сибиряков, их самодостаточности и замкнутости для остального мира: *Как в любой провинции, время здесь течет медленнее, чем в крупных городах, события не так часто нарушают плавное движение жизни, да и масштаб событий отличен от столичных (событием может стать мелкое происшествие, заметное в пределах лишь какого-либо одного дискурса), все это придает жизни вневременное, константное, «замороженное» состояние, даже по сравнению с Томском, где очень много студентов, куда-то бегущих и спешащих. Здесь, в Стрежевом, другие организующие начала, которые, кстати, характеризуются относительной стабильностью – нефтепромысел определял и определяет жизнь стрежевчан, раз и навсегда установив «правила жизни»: Там (в Томске) живут своей жизнью, а мы тут – своей (И вместе им не сойтись?)*. При этом жизнь на Севере обладает своим очарованием, завораживая посторонних своим особым ритмом: *Как и многие, не думал, что Север войдет в его жизнь навсегда. Рассчитывал поработать два-три года, а потом затянуло (А за плечами – 40 лет и сотни новых скважин)*.

В оппозицию *живое/неживое* своеобразно вписывается и *нефть*. Благодаря обильному использованию разнообразных метафор *нефть* в текстовом пространстве Шулбаевой представляется в виде некоего живого организма. Модус эмпатии сопутствует всему процессу бурения, жизни буровой; автор не скрывает своей заинтересованности и участия в нелегкой добыче нефти, обнаруживая свое к ней отношение – словно к ребенку, только-только рождающемуся (речь идет о строительстве новых буровых), иногда беззащитному перед людьми, всецело зависящему от воли руководства «Томск-

нефти». Безусловно, такой взгляд передается автору от самих буровиков, проживающих целую жизнь на месторождении и поэтому сроднившихся с ним. Мастер, словно любящая мать, неусыпно следит за ходом бурения, по определенным признакам видит – что-то не так, слушает шумное «дыхание» буровой (Глубин земных первопроды). Желание быть «на месте» и непосредственно контролировать процесс долго служило препятствием между буровыми мастерами и новыми технологиями, предполагающими удаленное управление процессом бурения: *Ведь не так просто было переломить в сознании, что твое место в непростой момент – не там, где гремит железо и шумно стравливается пар, не рядом с бурильщиком, стоящим за рычагом-«палкой», а в жилом городке перед компьютером (там же).*

Таким образом, наблюдения над возможными векторами развития концептуальной дихотомии добро/зло во взаимодействии с ключевым для дискурса А. Шулбаевой концептом нефть обнаруживают следующие тенденции:

– нефть в дискурсе журналистки выступает в роли организующего начала, поэтому в масштабах города Стрежевого этот концепт можно расценивать как универсальный: сквозь призму «нефтецентризма» реализуется медиапрезента-

ция города и его жителей, экономики Томского региона;

– не прямой, опосредованный способ репрезентации оппозиции добро/зло через такие бинарные соединения-субконцепты, как свой/чужой и живое/неживое соответственно;

– в результате своеобразной интерференции концептов в категориальной структуре концептуальной пары добро/зло, по сути, являющейся одной из констант русской культуры, наблюдается смещение в сторону кластера добро, который трансформируется в кластер социальное благо;

– нефть не является этическим концептом и не оценивается стрежевчанами в нравственных категориях, но порождает косвенно или прямо выраженную оценку многих кластеров этого концепта: для анализируемого материала свойственна преимущественно положительная коннотация, часто субъективная модальность, поскольку все, что касается нефти в медиаконтенте автора, изображается как позитивные явления современной экономической и социокультурной жизни Стрежевого.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-14-70003 «Лингвокультурное своеобразие региональной инфосферы: творческая языковая личность».

Список литературы

1. Мокрушина Е. Ю. Концепт «добрый» как этический феномен лингвокультуры: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 196 с.
2. Никитина Д. Н. Концепт «нефть» в дискурсе журналиста нефтяного моногорода // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 2. С. 186–189.
3. Моспанова Н. Ю. Концептуальная оппозиция «Добро – Зло» в фольклорной языковой картине мира (на материале русских народных сказок): дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2005. 205 с.
4. Орлова О. В. Нефть: дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта. Томск: ТомСувенир, 2012. 224 с.
5. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009: URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 02.09.2015).
6. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1: Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 1 / Ю. Н. Караулов и др. М.: Помовский и партнеры, 1994. 224 с.
7. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академ. проект, 2004. 992 с.

Орлова О. В., доктор филологических наук, профессор.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Никитина Д. Н., аспирант.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: niki_dasha_11@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 20.12.2015.

O. V. Orlova, D. N. Nikitina

DISCURSIVE INTERACTION OF CONCEPTS OIL AND GOOD/EVIL IN CREATIVE WORK OF TOMSK NORTH JOURNALIST

Language culture of Siberian oil north is brightly represented in the work of the journalist Asya Shulbaeva. The article discusses the discursive interaction of concepts oil and good / evil in the texts of the journalist about Strezhevoy-

city Tomsk region. Strezhevoy as a single-industry town has an oil field as a fundamental organizing principle. Media presentation of the city and its inhabitants, the economy of the Tomsk region is realized through the prism of “oil centrism”. Oil is not an ethical concept and is not directly measured in moral categories, but indirectly is good and social good, as everything about oil is portrayed as a positive phenomenon of modern economic and socio-cultural life of the North of Tomsk.

Key words: *discourse of the journalist, interaction of concepts.*

References

1. Mokrushina E. Yu. *Kontsept “dobryiy” kak eticheskiy fenomen lingvokul’tury*. Dis. kand. filol. nauk [Concept “good” as an ethical phenomenon of linguistic culture. Diss. cand. of philol. sci.]. Kemerovo, 2008. 196 p. (in Russian).
2. Nikitina D. N. Kontsept “neft” v diskurse zhurnalista neftyanogo monogoroda [Concept “oil” in the discourse of an oil monotown journalist]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2012, no. 2, pp. 186–189 (in Russian).
3. Mospanova N. Yu. *Kontseptual’naya oppozitsiya “Dobro – Zlo” v fol’klornoy yazykovoy kartine mira (na materiale russkikh narodnykh skazok)*. Dis. kand. filol. nauk [Conceptual opposition “Good – Evil” in the folk language picture of the world (based on Russian folk tales). Diss. cand. of philol. sci.]. Bryansk, 2005. 205 p. (in Russian).
4. Orlova O. V. *Nef’t: diskursivno-stilisticheskaya evolyutsiya mediakontsepta* [Oil: discursive and stylistic evolution of the media concept]. Tomsk, 2012. 224 p. (in Russian).
5. Lyashevskaya O. N., Sharov S.A. *Chastotnyy slovar’ sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional’nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency dictionary of modern Russian language (on materials of the Russian National Corpus)]. Moscow, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (accessed 02 September 2015) (in Russian).
6. *Russkiy assotsiativnyy slovar’. Kn. 1: Pryamoy slovar’: ot stimula k reaktzii. Assotsiativnyy tezaurus sovremennogo russkogo yazyka* [Russian associative dictionary. Bk. 1: Direct dictionary: from stimulus to response. Associative thesaurus of the modern Russian language]. Moscow, 1994. 224 p. (in Russian).
7. Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar’ russkoy kul’tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow, 2004. 992 p. (in Russian).

Orlova O. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Nikitina D. N.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: niki_dasha_11@sibmail.com